
К 120-ЛЕТИЮ Л.С. ВЫГОТСКОГО

ПСИХОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

В.С. КУБАРЕВ*,

Омский государственный технический университет
(ФГБОУ ВО ОмГТУ), Омск,
kubikss@yandex.ru

В статье предпринимается попытка методологического осмысления психотерапии как метода гуманитарного познания, которое имеет свои особые, отличные от естественнонаучного, цели, принципы и понятийные конструкции. В качестве одной из особенностей гуманитарного познания обозначается то, что его предметом выступает не объект, а осознающий различные аспекты своего личностного бытия субъект. С опорой на методологические разработки Л.С. Выготского формулируется основной вопрос статьи: каким должен быть метод психологии, чтобы он, с одной стороны, был адекватен познанию осознающего свое личностное бытие субъекта (а не объекта) и, с

Для цитаты:

Кубарев В.С. Психотерапия как метод гуманитарного познания сквозь призму методологии Л.С. Выготского // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 149—170. doi: 10.17759/cpp20162404008

* *Кубарев Вячеслав Сергеевич*, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии, факультет гуманитарного образования, Омский государственный технический университет (ФГБОУ ВО ОмГТУ), Омск, Россия, kubikss@yandex.ru

другой стороны, позволял познавать бытие, скрытое за явлением? В качестве его варианта рассматривается метод продуктивной амплификации сознания, в основе которого лежат принципы развития и знаково-символической опосредованности. Особое внимание уделяется феноменологическому аспекту метода и связанной с ним позиции внутреннего наблюдателя. В свете проделанного анализа психотерапия обосновывается как метод продуктивной амплификации сознания, являющийся специфическим инструментом познания в науке гуманитарного типа.

Ключевые слова: психотерапия, гуманитарное познание, метод продуктивной амплификации сознания, смысловые структуры.

Постановка проблемы

Дискуссия о научном статусе психотерапии, несмотря на впечатляющие достижения в этой области психологического знания, продолжает оставаться на повестке дня. Все так же встречаются обвинения в ненаучности, необъективности и фактически нелегальности знаний, полученных в этой области психологии. При более пристальном внимании можно обнаружить, что за современным дискурсом о научности психотерапии стоит старый конфликт между описательной и объяснительной психологиями. Как и сто лет назад, представители объяснительной психологии не хотят замечать специфики психологии как гуманитарной науки, не оставляя попыток навязать «науке о духе», к области которой мы относим и психотерапию, свои критерии рациональности.

В этой связи, отмечает А.Б. Холмогорова, в философии позитивизма в отношении психотерапии реализуется методология «медицины, основанной на доказательствах». Ее основные принципы нацелены на оценку эффективности терапии, что обеспечивается такими методическими способами как «слепая рандомизация», «метаанализ», «унификация схем терапии». Последствие этих процедур — максимальная объективизация процесса, предмета и результата психотерапии. Объективизация означает исключение субъекта из терапевтической ситуации. В результате оставляется объект, нозология которого определяется через диагностическую классификацию (диагноз), и технологическая процедура, которая, метафорически говоря, как таблетка, сама по себе производит те или иные эффекты. Психотерапия в этом контексте превращается в технологически прописанную процедуру взаимодействия двух объектов, один из которых выступает в роли воздействующего (но не субъекта, а лишь исполнителя технологической процедуры, «носителя знания о методиках, которые надо использовать при лечении того или иного расстройства» [21, с. 10]), а второй — в роли претерпевающего это воздей-

ствии объекта, типологизированного в соответствии с классификацией расстройств. А.Б. Холмогорова отмечает, что хотя «...теоретически исследователь может рассматривать пациента как активного и взаимодействия с ним видеть как интеракцию, но на деле парадигма стандартного исследования не может отразить такую позицию» [там же, с. 10].

В пределе обозначенная выше позитивистская логика исследования превращает психотерапию в объект номологического исследования. Возникает вопрос: какое отношение это представление имеет к психотерапии (кстати сказать, тоже отчуждающий термин, так как в нем превагирует медицинская, а не, например, психоаналитическая, семантика), единицей которой является продуктивный диалог «сознаний» о живом личностном опыте? Почему, если рассуждать сугубо методологически, психотерапия помещается на место объекта исследования, хотя по своему происхождению — это метод (причем изначально метод анализа, а не воздействия)? Нет ли здесь методологической ошибки, заключающейся в том, что в рассмотренной в медицинском ракурсе психотерапии происходит подмена предмета исследования: сознание (и соответственно субъект) подменяется объектом? Можно ли применять к исследованию феномена сознания (а как мы сказали психотерапия — диалог «сознаний») методологические приемы познания объекта?

Эти методологические вопросы лежат в основе описанного еще Л.С. Выготским кризиса психологии, который возник в связи с противоречием между «двумя принципиально разными конструкциями» психологического знания — описательной и объяснительной психологиями. Объяснительная психология строится на позиции внешнего наблюдателя, для которого доступна только внешняя объективная форма деятельности, в то время как ее внутренняя сторона или феноменологическая «мифосемиотическая плоскость» [7] рассматривается как эпифеномен, которым в исследовании, в принципе, можно пренебречь (описанная выше «медицина, основанная на доказательствах» к этому и стремится). Собственно, это пренебрежение под эгидой борьбы с идеалистической интроспекцией ради построения «истинно» научной объективной психологии можно наблюдать в отечественной психологии на протяжении XX века. Вместе с интроспекцией идеалистическими и ненаучными оказались и психология сознания (включая феноменологию Э. Гуссерля и описательную психологию В. Дильтея), и психоанализ, а с ним и большая часть психотерапии. Сегодня стало очевидным, что психология не уместается в естественнонаучную модель, так как имеет дело с сознающим и развивающим себя субъектом, находящимся в процессе становления, а не самотождественным завершенным объектом. В.Ф. Петренко в этой связи подчеркивает: «В психологии личности рассуждать о самотождественном объекте познания заведомо некорректно» [15, с. 84].

Соответственно, и в психотерапии все более отчетливо звучит мысль о том, что рассматривать ее необходимо в свете гуманитарной науки, неклассической, а в чем-то и постнеклассической по своей сути. Учитывая обозначенные выше проблемные аспекты классической науки в отношении к психотерапии, в нашей статье мы поставили следующую цель: раскрыть внутреннюю логику и методологические средства гуманитарной науки в этой области психологического знания. Опираясь при этом мы будем на методологические разработки Л.С. Выготского.

Психотерапия как специфическая форма познания осознающего себя в своем бытии субъекта

Как мы сказали, психотерапия имеет дело не с завершенным самоидентифицируемым объектом, а с осознающей себя в различных аспектах своего бытия личностью. Сама терапия представляет собой особую аналитическую деятельность, опосредованно которой осуществляется осознание. Специфика этой деятельности заключается в том, что она носит рефлексивный характер и разворачивается в диалоге на границе двух сознаний (в их intersubjectивном пространстве), находящихся друг относительно друга в различных функциональных отношениях. Одно из них представляет собой Я-сознание клиента, заинтересованного в изменении дисфункциональных способов своего бытия, которые доставляют ему страдание. Второе является сознанием Другого, который выступает с одной стороны, как носитель (посредник) культурных форм, то есть определенных психотехник (с встроенными в них теоретическими интерпретационными концептами), представляющих собой средства совместной аналитической деятельности, материалом для которой являются субъективные содержания опыта Я-сознания, а с другой, — как диалогическая единица, обеспечивающая, говоря словами М.М. Бахтина, позицию вневходимости, то есть выступает условием рефлексивного отношения клиента к себе и своей жизни. Обратим внимание на то, что «объектом» психотерапевтической практики является человек, осознающий различные аспекты своего личностного бытия в перспективе его трансформации (человек в процессе осознания не просто узнает эти аспекты, но и делает их предметом преобразования). Собственно, сама психотерапевтическая практика встраивается в это осознание в функции средства преобразования.

То есть в психотерапии человек выступает не объектом внешнего воздействия, как это видится в «медицине, основанной на доказательствах», а субъектом саморазвития, который в диалоге с психологом осознает действующие в нем бессознательные смысловые структуры (в когнитив-

ной психотерапии их место занимают дисфункциональные когнитивные установки), определяющие содержание его жизненных отношений, благодаря чему их же и трансформирует. Аналитик (мы целенаправленно уходим здесь от медицинского термина «терапевт») в этом диалоге, как мы сказали, вносит рефлексивную позицию, которая является необходимой составляющей деятельности осознания. А.М. Пятигорский отмечает: «как понятие “сознательное” — это позиция мышления в его отношении как к своим объектам, так и к другим мышлениям, возможная только в присутствии хотя бы чьей-то рефлексии, устанавливающей эту позицию» [17, с. 23]. Уже здесь мы можем констатировать особенность психотерапевтического метода, никак не уместяющуюся в представлении о нем в «медицине, основанной на доказательствах»: сама логика психотерапии (ее специфика как области практики) предполагает диалогическое самораскрытие человека («свободное самооткровение» (М.М. Бахтин)), в то время как естественнонаучная логика превращает человека в замкнутый в себе самотождественный объект, на который оказываются внешние воздействия и внешним образом устанавливаются его каузальные связи.

В отношении к своему «объекту» психотерапия является не только психотехникой, производящей определенный психотерапевтический эффект, на чем делается акцент в медицинском подходе, но и методом познания, который включает в себя как собственно исследовательскую (но не естественнонаучную, а психотехническую, о чем ниже), так и теоретическую составляющие. Как отмечает А.В. Юревич, «...психологическая практика — это больше, чем практика, она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания» [22, с. 6]. Суть этого познания можно сформулировать словами Н.А. Бердяева: «Есть познание, которое не есть познание объектов через понятия на основе универсальных начал, которое есть проникновение в существование, в конкретную действительность, которое есть соучастие в бытии, просветление жизни» [4, с. 370]. Эта форма познания по своим целям существенно отличается от познания естественнонаучного, что в области психологии ярко продемонстрировано А.В. Лызловым на примере полемики между В. Дильтеем (описательная психология) и Г. Эббингаузом (объяснительная психология).

В результате анализа этой полемики А.В. Лызлов формулирует принципиальное отличие данных подходов, первый из которых стремится «ко все более полному прояснению понимаемых взаимосвязей, которым причастен и от которых неотделим сам исследователь» [12, с. 95] (параллель с Н.А. Бердяевым очевидна: «Конкретно-универсальное существует не в идеальной отвлеченной сфере, не в родовом бытии идей, а в личном существовании, в высшей качественности и полноте личного

существования» [4, с. 370]), а второй — «...объяснить исследуемый предмет и овладеть этим предметом с внешних по отношению к нему позиций» [там же]. В последнем случае «...предмет исследования мыслится... как внеположный исследователю и независимый от него. Исследование делает поведение предмета и обращение с ним все более предсказуемым и направлено на все более полное овладение предметом» [12, с. 89]. Эта полемика тем более показательна, что Г. Эббингауз в ней, как и современные позитивисты, стремился всячески нивелировать специфику «описательной» психологии, утверждая единственно правильную номологическую модель психологической науки.

Итак, говоря об «описательной» форме познания, мы хотим сказать, что психотерапия как гуманитарная наука, во-первых, представляет собой особый метод познания (а не только технику воздействия), во-вторых, специфическую форму познания, которую Н.А. Бердяев и определил как «проникновение в существование и просветление жизни» (то есть осознание человеком различных аспектов своего личностного бытия). Фактически здесь речь идет о самопознании, рефлексии внутренних структур живого личностного опыта, данного в первую очередь в переживании, а не об исследовании отчужденных объектов.

Соответственно, особенность гуманитарной методологии заключается в том, что в ней в качестве предмета выступает рефлекслирующий и осознающий себя в своем бытии субъект, а не объект. Здесь можно выделить два аспекта:

1. Субъект в отличие от объекта представляет собой, говоря словами М.К. Мамардашвили, не явление, которое поддается эмпирической артикуляции на языке внешнего наблюдателя, а феномен, обладающий собственным существованием (Н.А. Бердяев отмечал: «Лишь субъект экзистенциален, имеет свое существование» [4, с. 367]), которое, с одной стороны, «экранирует» себя, оказываясь недоступным для внешнего наблюдения (и, соответственно, эмпирической артикуляции), и, с другой, претворяясь в символических объектах (в психоанализе в качестве таковых выступают, например, невротические симптомы и сновидения), раскрывается в опыте их собственноличного понимания. М.К. Мамардашвили подчеркивает, что, в отличие от явления, феномен обладает своей особой уникальной внутренней топологией, душой (в психоанализе — бессознательное), скрытой от внешнего наблюдателя.

2. Говоря о субъекте, помимо внутренней топологии его уникального опыта, подчеркивается сознательность, то есть «способность» к самопознанию и самораскрытию. Собственно проникновение в его внутреннюю топологию осуществляется опосредованно сознанием, то есть как бы изнутри опыта. В этом контексте М.М. Бахтин, противопоставляя гуманитарную и естественнонаучную методологию, пишет: «Точные на-

уки — это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно познание его может быть только диалогическим» [2, с. 363]. М.М. Бахтин также отмечает, что «единицей анализа» субъекта (как субъекта, а не как объекта) является поступок, который может быть описан, обоснован, понят, объяснен только изнутри сознания субъекта, из которого только и может быть виден «...не просто единый, но даже единственный, окончательный контекст, в котором он пытается ответственно осуществить единственную правду и факта, и смысла» [3, с. 103]. Обратим внимание, что контекст поступка субъекта постигается феноменологически. Таким образом, то, от чего в классической науке стремятся избавиться, в гуманитарной ставится во главу угла.

Психотерапия и метод научного познания Л.С. Выготского

Феноменологические предпосылки

Нам могут возразить: но как же, разве такое понимание познания не возвращает нас в прошлое, когда основным методом познания психического бытия была интроспекция, которая подверглась обоснованной критике не только со стороны классической науки, но и со стороны представителей ее неклассического и постнеклассического варианта. Здесь важно отметить, что метод интроспекции (как он представлен в Вюрцбургской школе или у У. Джеймса) и, например, метод феноменологической рефлексии Э. Гуссерля — это совершенно разные методы, основанные на различной методологии. Рассмотрим эту разницу, опираясь на критику интроспекции со стороны Л.С. Выготского и на его представления о том, что должен собой представлять метод психологии, подчеркнем, как метод познания, а не просто эмпирического исследования.

Размышляя о методе психологии, Л.С. Выготский пишет: «Необходимость принципиально выйти за пределы непосредственного опыта есть вопрос жизни и смерти для психологии. Разграничить, разделить научное понятие от специфического восприятия можно только на почве косвенного метода» [5, с. 54]. В этой цитате можно выделить два момента. Во-первых, метод психологии не должен быть чувственно-эмпирическим и опираться лишь на очевидные данные, которые открываются при непосредственном восприятии опыта, но должен «за-

глядывать» за непосредственную данность и реконструировать бытие, скрытое за явлением (то есть внутренние структуры опыта). Л.С. Выготский подчеркивал: «Вся трудность научного анализа заключается в том, что сущность вещей, то есть истинное, настоящее их соотношение, и форма их внешних проявлений не совпадают непосредственно, и поэтому нужно анализировать процессы, нужно при помощи анализа за внешней формой их проявления вскрыть истинные отношения, лежащие в основе этих процессов» [5, с. 582]. Во-вторых, метод психологии — это косвенный метод. Это означает: а) метод психологии должен быть аналитико-индуктивным, то есть направленным на реконструкцию смысловых структур опыта, которые непосредственно не даны (смысл не написан ни на поведении, ни на переживании, поэтому «...в основе научного наблюдения лежит выход за пределы видимого и отыскание смысла, который нельзя наблюдать» [5, с. 58]), что с необходимостью предполагает процедуры умозаключения и интерпретации («...истолкование для психологии — подчеркивает Л.С. Выготский — есть не только горькая необходимость, но и освобождающий, принципиально плодотворнейший способ познания» [5, с. 56]); б) если метод психологии заключается лишь в сопоставлении внешней фактически наблюдаемой стороны опыта без реконструкции непосредственно ненаблюдаемого смысла, он приводит к потере бытия, и оставляет исследователя на поверхности явления. Доводя до предела мысль Л.С. Выготского, можно сказать, что психологическое познание должно быть мыслящим, а не чувственно-эмпирическим.

Рассмотрим описанные Л.С. Выготским принципы научного метода психологии с позиции внутреннего наблюдателя, то есть осознающего различные аспекты своего опыта субъекта. Сразу подчеркнем, что в феноменологически ориентированных концепциях (не говоря о психоаналитических), так же в противоположность интроспекции подчеркивается, что смысл не написан ни на жизненной ситуации, ни на переживаниях и предполагает процедуры его извлечения (то есть «решения задачи на смысл»). Так, И.А. Ильин отмечал: «...для того чтобы уловить “душу” как предмет научного изучения, недостаточно замечать и рассказывать то, что человек бесхитростно переживает; на самом деле здесь нужна гораздо более сложная и тонкая познавательная техника...» [8, с. 3—4]. Ж.-П. Сартр писал: «С самого начала психолог-эмпирик, определяя человека его желаниями, остается жертвой субстанциалистской иллюзии. Он рассматривает желание как находящееся в человеке в качестве «содержания» сознания и полагает, что смысл желания присущ самому желанию» [20, с. 354]. Идентичное понимание содержится в феноменологии Э. Гуссерля, в которой феноменологическая рефлексия и выступила в качестве метода, «тонкой познаватель-

ной техники», направленной на экспликацию смысла. Рассмотрим ее более подробно.

Во-первых, как и наши отечественные психологи, Э. Гуссерль подвергал критике интроспекционизм, основанный на наивной установке сознания, которая заключается в том, что субъект сознания полагает, что смысл жизненной ситуации присущ самой ситуации и непосредственно в ней осознаваем. Как отмечает В.И. Молчанов: «Само собой разумеется, что определенное значение, или смысл, возникает всегда в связи с определенным обстоятельством, ситуацией, событием или, в самом широком смысле, положением дел. Однако это не означает, что само положение дел содержит в себе смысл, который может быть передан сознанию непосредственно» [14, с. 91]. На самом деле смысл ситуации интенционально ей приписывается, образуя ее смысловой контекст.

Во-вторых, реконструкция смыслового контекста ситуации требует особой формы рефлексии — феноменологической, которая противопоставляется наивной рефлексии, то есть интроспекции: «Феноменологический опыт — это, естественно, не что иное, как та рефлексия, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности, причем рефлексия, ... которая последовательно проводится, так, что подвижно-текучая специфическая жизнь Я, жизнь сознания не только поверхностно осматривается, но эксплицируется в созерцании в соответствии со своими собственными существенными составными частями и, как мы уже говорили, во всех горизонтах» [6, с. 304]. В рамках этой статьи перед нами не стоит задача раскрытия феноменологической рефлексии. Подробное описание этого метода можно найти в наших статьях [9; 10]. Здесь же отметим, что она заключается: а) в сдвиге внимания человека с объективной ситуации на ее переживание и «введении» некой воображаемой конструкции (эйдос), в рамках которой это переживание может быть описано; б) само это описание заключается в «расспрашивании» о смысле (ноэма), который самой ей не принадлежит, но конституируется этим расспрашиванием, представляя собой «интерпретирующее ноэматически-ноэтическое истолкование».

В-третьих, «...феноменологическая рефлексия не есть простое схватывание впечатлений или интроспекция. В рефлексии схватывается в единстве поток сознания, следовательно, рефлексия конституирует сознание как поток» [14, с. 92]. В.И. Молчанов отмечает, что рефлексия понимается Э. Гуссерлем не как нечто репродуктивное, ретроспективное, фиксирующее продукт деятельности сознания, но как конституирующий процесс, в котором воссоздается собственно жизнь сознания в ее смыслообразующей направленности.

Итак, Э. Гуссерль обращается к деятельности сознания, конституируемой особой формой рефлексии — феноменологической — которая,

с одной стороны, обращена не к продуктам деятельности сознания, ее предметному эмпирическому полю, доступному непосредственному описанию, а к самой деятельности сознания, которая есть смыслообразование (ноэзис), и с другой стороны, реализуется в форме особого взгляда, который воссоздает не то, что наивно наблюдаемо в ситуации, а то, что лишь переживается в ней, то есть ее смысл.

В стороне от феноменологии Э. Гуссерля остались два принципа, являющиеся центральными в методологии Л.С. Выготского и основополагающими для понимания психотерапии: принцип развития и принцип знаково-символической опосредованности. Критические замечания по этому поводу мы находим у М.К. Мамардашвили и П. Рикера. Основное замечание М.К. Мамардашвили состоит в том, что феноменологическое описание нельзя произвести как бы с пустого места. Оно возможно лишь в топосе события (живого опыта), которое человеку предстоит осмыслить и в которое он оказался вовлеченным. Но для этого ему еще нужно оказаться в нем, оказаться в ситуации, когда с «тобой» что-то случается. П. Рикер, в свою очередь, отмечает, что феноменологическое описание — это знаково и символически опосредованное описание, поэтому «...не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами: самопонимание, в конечном счете, совпадает с интерпретацией этих опосредующих терминов. Переходя от одного к другому, герменевтика шаг за шагом избавляется от идеализма, с которым Гуссерль пытался отождествить феноменологию» [18, с. 183].

Таким образом, несмотря на эвристичность метода феноменологической рефлексии (как метода реконструкции смысла, скрытого за явлением) в нем все же сохранилась, по крайней мере в отношении к переживаниям, созерцательная установка, которая представила феноменологическое познание как интуитивное постижение смысла переживания, что для научного мышления неприемлемо. Недостаточно учтенным оказался аналитико-индуктивный аспект, в рамках которого рефлексия должна быть рассмотрена как конструктивная деятельность, имеющая свои особые средства и способы изображения экзистенциального бытия субъекта. Само это изображение должно быть понято не как объект созерцания со стороны Я-сознания, а как продукт конструктивной работы мышления. Помимо этого, метод феноменологической рефлексии Э. Гуссерля оказывается как бы замкнутым в границах Я-сознания, хотя и имеет трансцендентальную направленность. Для понимания же психотерапии как метода познания необходимо учитывать тот факт, что разворачивается он в пространстве диалога и что позиция другого в диалоге несет конститутивную функцию, которая как раз и разрывает аутичную оболочку индивидуального сознания, внося, как мы писали выше, рефлексивную позицию человека

по отношению к себе и своей жизни (об этом однозначно свидетельствуют и результаты наших исследований [11]).

Исходя из проделанного анализа, сформулируем вопрос, который определит направление нашей дальнейшей работы: каким должен быть метод научной психологии, чтобы он, с одной стороны, позволял феноменологически познавать скрытое за явлением конкретно-универсальное бытие субъекта в его личном существовании, и, с другой стороны, представлял собой не непосредственный (чувственно-эмпирический), а косвенный опосредованный (мыслящий) способ познания? Или, иначе говоря, каким должен быть метод психологии, чтобы он, с одной стороны, был адекватен познанию осознающего свое личностное бытие субъекта (а не объекту), и, с другой стороны, позволял познавать (мыслить) бытие, скрытое за явлением? Л.С. Выготский отмечал: «Очевидно, что своеобразие процесса изменения поведения, который мы называем культурным развитием, требует глубоко своеобразных методов и способов исследования. Знание своеобразие и сознательное отправление исследования от этого пункта является первым условием адекватности метода и проблемы, поэтому проблема метода есть начало и основа, альфа и омега всей истории культурного развития ребенка» [5, с. 539]. Принципиальным при разработке этого метода выступало то, что он должен был исследовать развитие ребенка, которое, в отличие от развития животных, опосредовано сознанием. То есть предметом этого метода должен был быть осознающий себя субъект развития (каковым и выступал ребенок в экспериментах Л.С. Выготского). В этом плане метод психологии должен опираться, в том числе, на феноменологическую позицию внутреннего наблюдателя и опосредованно ею «...проникать за пределы внешней видимости, в смысл, который нельзя наблюдать».

В своих исследованиях Л.С. Выготский активно использует феноменологические описания для понимания внутренней структуры деятельности ребенка. Так, в его экспериментах ребенок посредством речи воссоздает семическое (смысловое) поле, которое не только освобождает его от непосредственной связанности с чувственной стороной ситуации, значительно расширяя варианты его возможных действий, но и вводит в это поле себя самого как действующего субъекта. Кстати сказать, принципиальным в понимании внутренней структуры этого поля (то есть значения) является способность ребенка рассказать о том, что и почему он делает. В экспериментах с памятью этот рассказ-объяснение, который строился всецело на воображении ребенка (Л.С. Выготский подчеркивает это как принципиальный момент в развитии ВПФ), был ключом к внутренней структуре запоминания. Таким образом, через воображаемые картины, выражаемые в речи-рассказе-объяснении экспериментатору, мы можем в буквальном смысле посмотреть на ситуацию глазами

ребенка и реконструировать те самые внутренние структуры (функциональные органы или превращенные формы сознания), которые составляют бытие явления. В этой связи отметим, что основополагающим в исследованиях Л.С. Выготского было не столько описание того, что и как делал ребенок (позиция внешнего наблюдателя), сколько того, что он говорил (позиция внутреннего наблюдателя) и как его «говорение» изображало и изменяло структуру его деятельности.

Здесь важно подчеркнуть принципиальную методологическую позицию в отношении той семиотико-феноменологической картины, которую в экспериментах отечественных психологов ребенок «рисовал» в речи в ответ на вопросы экспериментатора, ставящие его в рефлексивную позицию. Она не есть «отражение» условий «проблемной» ситуации, в которой находился ребенок. Эта картина и изображаемые в ней связи между предметами являются продуктом конструктивной деятельности его воображения, и вводилась эта картина как бы параллельно проблемной ситуации. Так, например, в экспериментах с двойной стимуляцией памяти ребенок, чтобы запомнить картинку с изображением театра, выбирает картинку с изображением краба на берегу, объясняя свой выбор тем, что «краб смотрит на камешки на дне, это красиво, это для него театр», или на слово «дождь» выбирает картинку с изображением забора, объясняя связь между ними тем, что «забор такого же серого цвета, как небо во время дождя». Л.С. Выготский подчеркивает, что для того, чтобы выделить общее (установить связь) между двумя предметами, ребенок конструирует воображаемый сюжет, посредством которого эту связь для себя и устанавливает. Отметим, что конструируемая ребенком картина рассматривается не как самоцель, не как продукт отражения, но как знаково-символическое средство трансформации смыслового поля (она претворяет не столько то, что видит ребенок, сколько то, как он смотрит, а также как еще может посмотреть), в котором действует ребенок. То есть функционально она направлена не на ситуацию, а на структуру функционального органа сознания. В этом контексте будет большой методологической ошибкой рассматривать феноменологическую картину в рамках категории отражения, что происходит повсеместно. Она не отражает предметные условия деятельности, а, выступая знаково-символическим заместителем этих условий, конструирует и преобразует смысловое поле, в котором действует человек, а также функциональные структуры его сознания, в которых это поле преломляется!

Проводя параллель с психотерапией, отметим, что в качестве таких феноменологических картин в ней выступают так называемые психотерапевтические истории (к ним мы относим и картины бессознательной жизни личности), или нарративы, являющиеся не столько отражением, например, объективной автобиографии клиента, сколько, как их назы-

вает Дж. Хилман, «исцеляющими вымыслами», посредством которых человек осмысливает и переосмысливает свой живой опыт, при этом преобразуя его смысловые структуры. Отметим, что эти истории (и картины бессознательной жизни) могут представлять не только в форме автобиографических нарративов, но и в качестве индивидуальной мифологии [19], никакого отношения не имеющей к автобиографическим событиям (внешней стороне жизни), но выступающие важным мифосемиотическим инструментом смыслового обогащения и углубления жизни, а также изображением ее глубинных бессознательных процессов, которые непосредственно наблюдать нельзя, также как и эмпирически их артикулировать в свете позиции внешнего наблюдателя. Причем нельзя не потому, что психологическая наука еще до этого не доросла, а потому, что мы имеем здесь дело с феноменом, а не явлением. То есть этот запрет носит конструктивный, а не недостаточный характер. Критерием научной оценки этих картин является не их соответствие некоему объективному положению дел, а наличие или отсутствие производимого ими смыслового эффекта.

Метод продуктивной амплификации сознания

Далее, разрабатывая научный метод исследования сознания (соответственно, субъекта, а не объекта), Л.С. Выготский подчеркивает, что он должен быть формирующим или психотехническим. В этой связи он должен отвечать не только запросам научного исследования, направленного на экспликацию внутренних каузально-динамических отношений, стоящих за психическим явлением, но и запросам практики. Как отмечает А.А. Пузырей, «“Новая психология” — будучи, по мысли Выготского, методологией “психотехники”, или “философией практики”, способной отвечать на запросы практики и “овладевать” ею ... Она, эта “новая психология”, должна задавать некое единое пространство мышления и действия, единообразно охватывающее как исследование, так и практику» [16, с. 140]. Собственно, рассматривая методологию Л.С. Выготского в этом ракурсе, П.Я. Гальперин формулирует следующий принцип психологического исследования: чтобы исследовать сущность психического явления, необходимо это явление внутри исследования сформировать или экспериментально вызвать его генезис. В результате такого методологического поворота психологическое знание из описания естественного существования объекта, превращается в инструкцию для целенаправленного его преобразования (инициации его генезиса) во что-то другое внутри самого исследования. Изображаемая же (в развитии) реальность оказывается производной от этого преобразования. Таким образом, в рамках методологии Л.С. Выготского исследование приобретает психотехнический характер, что отражается в следующих принципах.

Во-первых, это принцип развития, который в концепции Л.С. Выготского относится не к предмету, а к методу исследования. Это означает:

1. Познание внутренних структур опыта (то есть бытия, скрытого за явлением) возможно тогда, когда эти структуры оказываются предметом целенаправленного преобразования, для чего выстраивается особое психотехническое действие (у П.Я. Гальперина — формирующий эксперимент), которое и производит развивающий эффект. Здесь важно подчеркнуть, что выстраиваемое психотехническое действие носит рефлексивный характер, то есть осуществляется опосредованно осознанием субъектом различных аспектов своего живого опыта, смысловые структуры которого этим осознанием подвергаются трансформации. Поэтому и развивающий эффект опосредован сознанием субъекта, который «подвергается» развитию. Как отмечает А.А. Пузырей, «...все, что можно фиксировать в такого рода экспериментах, это, во-первых, какого рода средства передаются испытуемому для реорганизации его психической деятельности и, во-вторых, как эта реорганизация происходит» [16, с. 152].

2. Бытие оказывается доступным для познания только в том случае, когда исследуемый предмет находится в процессе становления, то есть когда происходит трансформация предмета (причем трансформация, инициированная психотехническим действием, что задает, как пишет А.А. Пузырей, искусственный характер развития). Л.С. Выготский, говоря о том, что метод исследования культурного развития должен быть историческим, отмечает: «Между тем историческое изучение просто означает применение категории развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо — значит изучать в движении. Это и есть основное требование диалектического метода» [5, с. 555]. В этом смысле, описывая некий уже состоявшийся опыт, сложившееся положение дел, мы имеем лишь внешнюю сторону явления, но не бытие. Бытие же для научного мышления предстает в психотехническом исследовании как событие, как бытие в развитии (а не как объективная данность), а познание — как «событие внутри бытия».

Во-вторых, это принцип знаково-символической опосредованности. Средствами изображения и преобразования бытия, взятого в разрезе его развития, являются знаково-символические образования. Так, ребенок в экспериментах Л.С. Выготского, замещая посредством речи единицы проблемной ситуации их знаковыми референтами, конструировал и вводил дополнительное относительно объективной стороны ситуации семиотическое поле, таким образом как бы удваивая проблемную ситуацию. Целью знаково-символических замещений является, говоря словами Б.Д. Эльконина, снятие предметной стороны деятельности, обнажение и реорганизация ее смысловой стороны, ее функциональной внутренней структуры. За счет таких замещений происходит осознание

и преобразование способа действия, его отделение от предмета, семиотическая реконструкция и преобразование в контексте стоящей задачи. Главное, на что мы хотим обратить внимание — что семиотическая картина является «рефлексивным построением» [1], которое конструируется ребенком и, с одной стороны, используется как средство реорганизации психологических структур, с другой стороны, вводится как опосредующее звено между ним и объективной стороной ситуации, при этом включая в поле деятельностного преобразования самого субъекта.

Таким образом, метод научной психологии, соответствующий природе исследуемого предмета (осознающего себя субъекта) и позволяющий реконструировать бытие, скрытое за явлением, отвечает следующему принципу: в познании психологического бытия мы не можем довольствоваться описанием внешних данных, чувственно-эмпирическим образом зафиксированных свойств и наблюдаемых отношений предмета, но, рассматривая эти наблюдаемые отношения как исходный материал для психотехнически организуемой и диалогически опосредованной рефлексивной деятельности субъекта, должны поместить его в проблемную ситуацию и поставить перед задачей реконструкции и реорганизации посредством знаково-символических образований своих функциональных, интенциональных по природе, структур, этим иницируя их генезис, являющийся условием разрешения проблемной ситуации. По нашему мнению, в основе психотерапии (особенно в ее психоаналитическом варианте) как методе познания, заложен идентичный принцип. В этом плане можно утверждать, что метод исследования ВПФ Л.С. Выготского, который А.А. Пузырей обозначил как продуктивную амплификацию сознания, может быть рассмотрен в качестве методологической модели психотерапии, как способа психологического познания. Они пересекаются как в психотехническом, так и в знаково-символическом и историческом (развивающем) аспектах. Разница заключается лишь в предмете приложения этого метода и его эмпирическом материале.

Продолжая разбирать метод Л.С. Выготского, зададимся вопросом: что представляет собой предмет осознания, который оказывается материалом рефлексивной деятельности субъекта? Что, собственно, развивается? Л.С. Выготский в качестве этого «что» обозначил рудиментарные функции, рассматривая их как «психологические окаменелости», которые «показывают в застывшем, в остановившемся виде свое внутреннее развитие» [5, с. 557]. В них, подчеркивал Л.С. Выготский, «соединены начало и конец развития» [там же]. Эти психологические окаменелости представляют собой исходные единицы развивающего познания, являются «дверью» и основой метода исследования ВПФ. Собственно, исследование высших психических функций в развитии означает обнаружение их начальных единиц (рудиментарных функций — внешне артикулированных знаково-

символических операций) и прослеживание их генезиса (вращения) в психотехнически организованном эксперименте.

Проводя параллели с психотерапевтической практикой, можно выделить два варианта понимания рудиментарных функций как психологических окаменелостей. Первый вариант — их понимание как исторически первичных психологических структур, которые по мере развития (исторического или автобиографического) трансформируются в более развитые структуры. Л.С. Выготский понимает рудиментарные функции именно так. В классическом психоанализе в качестве рудиментарных функций выступали: у З. Фрейда — детско-родительские отношения (эдипов комплекс), которые впоследствии превращались в невротическую структуру личности, у А. Адлера — комплекс неполноценности, возникающий в связи с теми или иными телесными недугами и т. д. Логика психоаналитиков тоже можно назвать исторической в том смысле, что они, как и Л.С. Выготский, выделяли базовую, можно сказать, рудиментарную единицу и пытались проследить ее генезис до конечной формы — невротической структуры. Правда, в психоанализе выделение этих рудиментарных функций выступало не началом метода, а его окончанием, результатом совместных с аналитиком «археологических раскопок» различных автобиографических пластов жизненного опыта клиента.

Второй вариант — понимание психологических окаменелостей как базовых единиц для начала рефлексивно-аналитической работы, которая, подобно феноменологической рефлексии, не может развернуться с пустого места. В этом ракурсе в качестве таковых выступают особые феномены психической жизни, такие как сновидения, невротические симптомы, оговорки, феномены забывания и т. д., которые вводятся в психоаналитическую операцию как знаково-символические образования, опосредованно которыми происходит осознание (и трансформация) бессознательных смысловых структур. Их можно рассмотреть как психологические окаменелости, так как в них оказывается упакован, не получив воплощения (и развития), неизвлеченный живой личностный опыт. Хотя здесь мы несколько отходим от представления о рудиментарных функциях, данного Л.С. Выготским, так как обозначенные психоаналитические феномены не обязательно являются рудиментарными, то есть отжившими структурами ранних форм опыта. Они, особенно если мы берем сновидения, претворяют в себе не столько функционально отжившее, сколько еще не развитое. В этом плане, встраивая их в метод продуктивной амплификации сознания, мы оказываемся в самом начале и в центре развития, которое происходит сейчас и направлено на будущее (на что обращал внимание К.Г. Юнг, в противоположность З. Фрейду).

В этом контексте психотерапия психотехнична в культурно-историческом смысле слова, так как благодаря рефлексивно-аналитической

деятельности происходит преобразование претворенных в этих феноменах инфантильных личностных структур в более целостные и зрелые образования, то есть высшие формы (они приобретают признаки высшей психической функции: осознанность, произвольность, системность). Можно сказать, что когда Л.С. Выготский экспериментально исследует развитие ребенка, то рудиментарные функции тоже выступают как актуально действующие живые психологические структуры, которые подвергаются развитию в психотехнически организованном исследовании. Последнее свидетельствует о допустимости рассматривать в качестве рудиментарных функций так называемые психоаналитические феномены. Эти феномены, будучи первичными символами, удобны еще и тем, что, выступая единицами живого опыта, они, с одной стороны, явлены и могут непосредственно восприниматься Я-сознанием, а, с другой стороны, обращены к бытию, скрытому за явлением, выступая, таким образом, посредниками, аналитико-интерпретативная работа с которыми позволяет заглянуть за поверхность непосредственного опыта. А в этом и состоит основная задача научного метода мыслящей психологии.

Заключение

Специфика психотерапевтической практики заключается в том, что ее предметом, как и предметом гуманитарной науки, является не завершённый самотождественный объект, а осознающий себя в различных аспектах своего личностного бытия человек. Сама психотерапия в лице психоанализа изначально возникла и развивалась как аналитический метод, обеспечивающий осознание бессознательных каузально-динамических структур опыта. И хотя психотерапевтический метод в первую очередь имеет прикладную направленность, он реализует также и научно-познавательные задачи. Мы показали, что в его основе лежит особая — гуманитарная — форма познания, по своим целям существенно отличающаяся от естественнонаучной. Она заключается в диалогически опосредованном феноменологическом описании внутренних структур конкретного живого опыта, представленных, в первую очередь, в переживании субъекта, его носителя, с целью их осознания и трансформации. Таким образом, гуманитарное познание включает в себя в качестве конститутивной единицы позицию внутреннего наблюдателя, в то время как естественнонаучное наблюдение строится на позиции внешнего наблюдателя.

Опираясь на методологические разработки Л.С. Выготского, мы выделили основное требование к научному познанию и методу психологии, предметом которого является субъект, а не объект: метод, с одной стороны, должен позволять феноменологически познавать скрытое за

явлением конкретно-универсальное бытие субъекта в его личном существовании, и, с другой стороны, представлять собой не непосредственный (чувственно-эмпирический), а косвенный опосредованный (мыслящий) способ познания». Собственно, как мы увидели, уже в феноменологии Э. Гуссерля присутствует попытка разработки такого метода, который в его концепции получил название «феноменологическая рефлексия».

В качестве прототипа научного метода психологического познания в статье рассматривается метод продуктивной амплификации сознания Л.С. Выготского. Особое внимание при этом уделяется семиотической картине, которая конструируется в свете позиции внутреннего наблюдателя. Эта картина представляет собой продукт конструктивной деятельности воображения, опосредованной знаково-символическими образованиями, в котором в снятой форме изображаются и этим подвергаются трансформации функциональные структуры субъекта. Функционально она направлена не на отражение предметной стороны проблемной ситуации, а, наоборот, на ее снятие (а для этого сама предметность должна быть подвергнута «искажению» за счет ее замещения знаково-символическими референтами) и обнажение смысловой стороны, которая подвергается трансформации. По сути, конструируемая семиотическая картина — текст, который имеет два аспекта: а) референтный, представленный в виде знаково-символических единиц, замещающих собой предметные условия проблемной ситуации, этим отделяя от предмета и обнажая функциональные (смысловые) структуры субъекта; б) конструктивный, представленный в виде рефлексивной деятельности, направленной на реконструкцию (изображение) и реорганизацию этих функциональных структур в контексте разрешения проблемной ситуации.

Психотерапевтические истории, а также картины бессознательной жизни личности представляют собой такие тексты. Важным условием их конструирования являются особые принципы организации формирующего исследования: развития и знаково-символической опосредованности. Эти принципы являются ядром научного метода психологии, который, вслед за А.А. Пузыреем, мы назвали продуктивной амплификацией сознания.

Таким образом, метод продуктивной амплификации сознания позволяет связать традиционно противопоставляемые области психологии — отечественную психологию и психотерапию — и вместе с этим обеспечивает продуктивную теоретическую рефлексию обширного психотерапевтического опыта. При этом психотерапия в контексте научного познания понимается не как предмет, который должен исследоваться методами классической науки, но она сама является методом, посредством которого мы получаем новые знания о психологическом бытии человека как личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникина В.Г.* Психотехническая модель рефлексии: теоретические основания и описание // Психологический журнал. 2010. № 6. С. 50—56.
2. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361—374.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология научного знания. М.: Наука, 1986. С. 80—160.
4. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 364—379.
5. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Апрель-экспресс; ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 1009 с.
6. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология // Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297—341.
7. *Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.
8. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. М.: АСТ Хранитель, 2007. 58 с.
9. *Кубарев В.С.* Феноменология как метод осознания жизненных смыслов. Часть 1 // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 153—176.
10. *Кубарев В.С.* Феноменология как метод осознания жизненных смыслов. Часть 2 // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 4. С. 10—31.
11. *Кубарев В.С.* Решение задачи на смысл сновидения как метод исследования осознания жизненных смыслов // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 86—99. doi: 10.17759/chp.2015110308
12. *Лызлов А.В.* Полемика Г. Эббингауза с В. Дильтеем об описательной и объяснительной психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 87—95.
13. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Изд-во «Лабиринт», 1994. 228 с.
14. *Молчанов В.И.* Исследования по феноменологии сознания. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 456 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
15. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
16. *Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 488 с.
17. *Пятигорский А.М.* Непрекращаемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004. 432 с.
18. *Рикер П.* Что меня занимает последние 30 лет // Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью): пер. с фр. М., 1995. 160 с.
19. *Сапогова Е.Е.* Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности // Известия ТулГУ. Серия «Психология» / Под ред. Е.Е. Сапоговой. Вып. 3. Тула: ТулГУ, 2003. С. 195—214.
20. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
21. *Холмогорова А.Б.* Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути. Часть I // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 4. С. 5—25.

22. Юревич А.В. Три источника и три составные части психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 3—18.

PSYCHOTHERAPY AS A METHOD OF HUMANITARIAN COGNITION IN THE LIGHT OF THE METHODOLOGY OF L.S. VYGOTSKY

V.S. KUBAREV*,
Omsk state technical University, Omsk, Russia
kubikss@yandex.ru

In the article the author attempts to make a methodological interpretation of psychotherapy as a method of humanitarian cognition, which has its special objectives, principles and conceptual constructions, different from the ones of the natural science. One of the features of humanitarian cognition is that it is directed on the subject who comprehends the various aspects of his personal being, but not on the object. Relying on methodologies developed by L.S. Vygotsky, the author formulates the main question of the article: what the method of psychology should be in order to meet two conditions. On the one hand, it should be appropriate for subject (not object) comprehending his personal being. On the other hand, it should allow comprehending the being hidden behind the phenomenon. Productive amplification of consciousness based on the principles of development and sign-symbolic mediation is considered to be a version of such a method. The author pays special attention to the phenomenological aspect of the method and especially to the position of the inner observer. In the course of the analysis, psychotherapy is proved to be a method of productive amplification of consciousness which is a specific tool of cognition in humanitarian science.

Keywords: psychotherapy, humanitarian cognition, method of productive amplification of consciousness, semantic structures.

REFERENCES

1. Anikina V.G. Psikhotekhnicheskaya model' refleksii: teoreticheskie osnovaniya i opisanie [Psychotechnical model of reflection: theoretical background and description]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2010. no. 6, pp. 50—56.

For citation:

Kubarev V.S. Psychotherapy as a Method of Humanitarian Cognition in the Light of the Methodology of L.S. Vygotsky. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 149—170. doi: 10.17759/cpp20162404008. (In Russ., abstr. in Engl.)

* *Kubarev Vyacheslav Sergeevich*, PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Work and Organizational Psychology, Department of Humanitarian Education, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: kubikss@yandex.ru

2. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk [To the methodology of the Humanities]. *Eстетика словесного творчества*. Moscow: Iskusstvo, 1979, pp. 361—374.
3. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauchnogo znaniya*. Moscow: Nauka, 1986, pp. 80—160.
4. Berdyaev N.A. Dukh i real'nost' [The spirit and reality]. *Filosofiya svobodnogo dukha*. Moscow: Respublika, 1994, pp. 364—379.
5. Vygotskii L.S. Psikhologiya [Psychology]. Moscow: Aprel'-ekspres; EKSMO-PRESS, 2000. 1009 p.
6. Gusserl' E. Fenomenologicheskaya psikhologiya [Phenomenological psychology]. *Izbrannye raboty [Selected works]*. In Kurennoi V.A. (ed.). Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2005, pp. 297—341. (In Russ.).
7. Zinchenko V.P. Posokh Osipa Mandel'shtama i Trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoi psikhologii [Osip Mandelstam's staff and Mamardashvili's Tube. By the beginnings of organic psychology]. Moscow: Novaya shkola, 1997. 336 p.
8. Il'in I.A. Religiozniy smysl filosofii [The religious meaning of philosophy]. Moscow: AST Hranitel', 2007. 58 p.
9. Kubarev V.S. Fenomenologiya kak metod osoznaniya zhiznennykh smyslov. Chast' 1 [Phenomenology as a method of understanding life expectations. Part 1]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2013. no. 1, pp. 153—176 (In Russ., Abstr. in Engl.).
10. Kubarev V.S. Fenomenologiya kak metod osoznaniya zhiznennykh smyslov. Chast' 2 [Phenomenology as a method of understanding life expectations. Part 2]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2013. no. 4, pp. 10—31. (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Kubarev V.S. Reshenie zadachi na smysl snovideniya kak metod issledovaniya osoznaniya zhiznennykh smyslov [The solution of the problem on the meaning of dreams as a method of research awareness of life]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2015. Vol. 11, no. 3, pp. 86—99. doi: 10.17759/chp.2015110308 (In Russ., Abstr. in Engl.).
12. Lyzlov A.V. Polemika G. Ebbingauza s V. Dil'teem ob opisatel'noi i ob"yasnitel'noi psikhologii [Controversy G. Ebbinghaus and W. Dilthey on descriptive and explanatory psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and history of psychology]*, 2009. Vol. 4, no. 2, pp. 87—95.
13. Mamardashvili M.K. Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti [Classical and non-classical ideals of rationality]. Moscow: Publ. «Labirint», 1994. 228 p.
14. Molchanov V.I. Issledovaniya po fenomenologii soznaniya [Research on the phenomenology of consciousness]. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2007. 456 p.
15. Petrenko V.F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma [Multi-dimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 440 p.
16. Puzyrei A.A. Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika [Psychology. Psychotechnics. Psychagogik]. Moscow: Smysl, 2005. 488 p.
17. Pyatigorskii A.M. Nепреkrashchaemyi razgovor [Never-ending conversation]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2004. 432 p.

18. Riker P. Chto menya zanimaet poslednie 30 let [What takes me the last 30 years]. *Germenevtika. Etika. Politika (Moskovskie lektzii i interv'yuu)* per. s fr. Moscow: 1995. 160 p. (In Russ.).
19. Sapogova E.E. Zhizn' i sud'ba: postroenie individual'noi mifologii, samoproektirovanie i subkul'tura lichnosti [Life and fate: building of individual mythology, projecting and subculture identity]. *Izvestiya TulGU [Bulletin TulGU]. Seriya «Psikhologiya»*. In Sapogova E.E. (ed.) Vyp. 3, Tula: TulGU, 2003. pp. 195—214.
20. Sartr Zh.-P. Bytie i nichego: Opyt fenomenologicheskoi ontologii: per. s fr. [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika, 2000. 639 p. (In Russ.).
21. Kholmogorova A.B. Dve konfliktuyushchie metodologii v issledovaniyakh psikhoterapii i ee effektivnosti: poisk tret'ego puti. Chast' 1 [Two conflicting methodologies in studies of psychotherapy and its effectiveness: the search for a third way. Part 1]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2009. no. 4, pp. 5—25.
22. Yurevich A.V. Tri istochnika i tri sostavnye chasti psikhologicheskogo znaniya [Three sources and three composite parts of psychological knowledge]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of High School of Economics]*, 2005. Vol. 2, no. 3, pp. 3—18.